

УДК 141.7

doi: 10.18101/1994-0866-2017-2-67-72

ГЕРОНТОЛОГИЯ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

© *Меднис Наталья Вольдэмаровна*

кандидат философских наук, доцент, Калининградский государственный технический университет

Россия, 236000, г. Калининград, Советский пр., 1

E-mail: natalymednis@gmail.com

В религиозном аспекте традиционно последняя пора жизни человека рассматривалась как последняя ступень перед уходом в иной мир, а социологическая проблематика существования пожилого человека в обществе — как некое социальное отягощение. Современность предполагает совсем иное осмысление. Увеличение продолжительности жизни после репродуктивной фазы более чем в два раза создало новые социальные проблемы. Утилитарность семейных отношений, зародившаяся в XX в., в XXI породила массу проблем, одна из которых — «одинокая старость», причина которой не вдовство и отсутствие детей, а разводы и нежелание детей брать на себя заботы по уходу за старым человеком.

Ключевые слова: геронтология, старение, общество, одиночество.

Термин «геронтология» был привнесен в научную лексику К. Г. Пигровым в начале XX века [8]. Новое тысячелетие породило особый интерес к понятию «старость» в философском аспекте.

Клиническое «омоложение» становится самым ходовым товаром на рынке медицинских услуг для среднего класса после стоматологии, индивид всеми силами стремится избежать видимого взросления, поскольку это не только рейтинговая потеря в сексуальном партнерстве, но и увеличение шансов на аутсайдерство. «Все впереди» сжимается как шагреновая кожа. Идет переоценка ценностей, и возможности становятся более значимыми, нежели результаты. Право ошибаться и исправлять ошибки по умолчанию принимается только для молодых. Поэтому «юность» становится основным капиталом. К пластической косметологии начинают прибегать уже в возрасте до 30 лет, дабы выглядеть лет на десять моложе. Сама эта цифра становится знаковой. Все рекламные материалы пластических хирургов ориентированы на омоложение именно на эту цифру, причем сам индивид (как правило, женщины) не может объяснить, почему в 60 нужно выглядеть на 50, а в 50 на 40. Репродуктивный возраст у женщин уже окончен, брачный рынок таков, что мужчины, чей репродуктивный возраст заканчивается лет на 20 позже, заинтересованы в более молодых партнершах, если намерены продолжать род.

Здесь можно говорить о попытке индивида отложить время, когда наступает ослабление и притупление чувств, которое К. Лоренц охарактеризовал как «тепловую смерть чувств» [5, с. 50]. Чем моложе, тем больше желаний и больше чувств. Христианские священники как доказательство бес-

смертия души приводят аргумент о том, что человек не воспринимает душой возраст, возраст — это сугубо плотское состояние, и тленность бытия связана со временем, согласно Августину Блаженному [1, с. 180–192]. Индивид подсознательно считает, что чем моложе выглядишь, тем больше времени впереди. Это не возвращение в прошлое, а возможность некой параллельной жизни в «том» возрасте и настоящем. С культурной точки зрения современный человек проживает то количество жизней, которое получает с произведениями искусства, охватывающего некий временной промежуток жизни другого человека: литература, кинематограф, театр. Соучастие, сопереживание в этот момент делают виртуальный образ и конкретного человека единым целым. Психологическое время все более «молодеет». Взрослые люди с детским восприятием — скорее уже норма, нежели исключение. Разумеется, нельзя отрицать, что современное общество, заботящееся о благополучии и комфорте, гарантирующее безопасность не только самого индивида, но и других от его действий, не способствует «взрослению». Огромное количество уже на уровне демографической угрозы «чайлдфри» — добровольно бездетных — обусловлено именно этим отсутствием страха перед старческой дряхлостью и необходимостью заботы о себе близких. «Этого не может быть, я не состарюсь, умру молодым», то есть конечность бытия и смерть как данность принимается, но старение непозволительно.

Страх перейти в несчастную пору жизни — старение — приводит к тому, что несовершеннолетие как «истинная» юность становится массовым помешательством. Культ девушек-девочек и юношей-мальчиков приобретает гипертрофированные проявления. Люди к пятидесяти годам, как правило, из обеспеченных финансово слоев часто выбирают подростковый стиль одежды и такую же манеру поведения. «Детскость» — маска, позволяющая скрыть различные жизненные неудачи и отсутствие интеллекта. Отношение окружающих к нему как к ребенку, которому прощают ошибки, любят «просто так», становится идеальной, но недостижимой моделью для комфортного существования. Одиноких людей становится все больше. Даже создание семьи, рождение детей воспринимаются как временные трудности, которые нужно преодолеть и зажить «для себя», разводы среди пар 50+ относительно устойчивых браков значительно преобладают.

Собственное «я», по выражению Ж. Липовецки «нарциссизм в футляре» [4, с. 246], уже значительно отличается от стандартов эпохи сексуальной революции начала 1990-х. Никаких образов, которые должны нравиться публике, никакой «звездной» недостижимости. Декларирование своей «обычности» в рамках семейных телешоу, нежелание скрывать некие порочащие моменты жизни, проблемы в семье, скандалы, но при всем при этом обязательное условие — выглядеть молодо. Только в этом случае он имеет право на ошибку и заслуживает снисхождения и, разумеется, любви.

Человек с морщинами становится «неприкасаемым». Его ровесники видят в нем себя и не хотят этого, они готовы общаться с менее достойным, но выглядящим моложе, потому что это дает иллюзию возрастного соответствия. Люди, посвящающие себя полностью семье и не выглядящие «дос-

тойно», становятся объектом иронии со стороны общества, чаще состоящих из одиноких людей с манией омоложения, но подобные молодящиеся старцы, вступающие в конкуренцию с юными, тоже вызывают ироничное к себе отношение, что является логическим тупиком, как оно и должно быть. «Жертва» не вызывает благодарности со стороны тех, о ком они заботятся, и молодящиеся эгоисты тоже. Видя подобное, современная молодежь даже возраст 50+ воспринимает как период аутсайдерства, поскольку необходим некий выбор между двумя равнозначными не устраивающими ситуациями.

Если ранее понятие «старик» носило скорее уважительный оттенок, а «старуха» — уничижительное, то сейчас мужчины к своему физическому старению относятся с таким же страхом, как и женщины, и столь привычное такое обращение молодых мужчин друг к другу исчезло из обихода.

В кинематографе эпоху героев Хемингуэя: седых, сильных, мудрых, с морщинами, сменила эпоха лакированных героев-суперменов — бондианы, не юные, но и не пожилые, не обремененные семьей. При этом драматических бездетных красавиц, обязательно выходящих замуж в конце фильма, заменили красавицы матери-одиночки, сделавшие карьеру, которым спутник жизни нужен скорее для социального комплекта, да и то не на всю жизнь. У таких «спутников» где-то тоже была жена, которая теперь мать-одиночка, но не столь достойная.

Задаваемый масс-культурой стереотип бесполезности традиционных семейных отношений ведет к карнавальному отношению к жизни. Свадьба ради свадьбы, совместная жизнь, чтобы «кто-то был», дети вырастают в этих стереотипах и истинные чувства скрываются между людьми, но переключаются на домашних животных, поскольку для него не нужно «выглядеть».

Дети, взрослеющие рядом, постепенно переходят в ранг «младших» родственников, чтобы не подчеркивать возраст родителей. Compliment для матери и дочери «выглядите как сестрички» — самый ходовой.

Молодость как главный капитал современного человека порождает мегаиндустрию различных пластических и косметологических услуг и создает иллюзию творчества работы с собственным телом.

Э. Фромм описал современное европейское общество как стадо, состоящее из лишенных индивидуальности людей, которые идут к некой цели и относятся к себе как к вещам [9, с. 282]. Индивид, лишенный индивидуальности, относится к себе и другим сугубо утилитарно. Разумеется, в таком контексте дуальность земной и вечной жизни исключена. А старение для вещи — однозначно потеря ценности. Созидательность человека в бытовом смысле (обустройство быта, труд) сейчас претерпевает переход в стадию информационного общества и уже выглядит иначе. Возможность заниматься творчеством есть практически у каждого, и это тоже не имеет того значения, что раньше, когда поэт, художник, музыкант, артист и т. д. были творческой элитой. Расслоение на профессионалов высокого уровня и «ремесленников», работающих при помощи компьютера, уже не имеет того значения, поскольку самодеятельное творчество мало кому интересно. Жажда новизны превращает человека зрелого возраста в наблюдателя, потребителя ощущений, что опять же является «тепловой смертью чувства».

Г. Маркузе как выход предлагает некую модель развития общества особой духовности, где этические и моральные ценности главенствуют над потреблением, возникает «новая чувственность», способная противостоять репрессивному разуму и вернуться в непроеизводительную жизнь и стихию чувств [2, с. 139].

Разумеется, что непроеизводительное общество быстро вернется к первобытному, но рассмотреть такую возможность в зрелой стадии жизни представляется достаточно рациональным.

Частные дома престарелых становятся доходным бизнесом, а поселения для обеспеченных пожилых людей — не редкость. Последняя новация «детский сад» для этой категории подразумевает дневную форму пребывания либо пятидневную. В таком контексте очевидно, что период старости — это не тот этап жизни, в котором приятно жить. И тем не менее жажда жизни у человека с годами практически не меняется. И Чарльз Дарвин в старости сожалел о том, что в детстве его не научили игре на музыкальных инструментах [3, с. 734].

Счастливая старость — важнейшая составляющая эволюционного процесса общества. В буддистской традиции период угасания тела — один из важнейших этапов в жизни человека. Это пора осмысления бытия, понимания места человека в мире. Особое внимание к старшим — не дань гуманизму как жалость к более слабому, наоборот, в этот период человек должен почувствовать всю радость жизни, благодарность за возможность ее прожить, понимать дуальность бытия и подготовиться к переходу в другое состояние [7, с. 258].

Именно состояние настоящего как собирательное предыдущего, по мнению Г. Мида, является ключом к переосмыслению жизненного пути. Старость — это социальное состояние осознания прожитой жизни прежде всего, а не дряхлость плоти [6, с. 91].

Медицина, продлевающая жизнь вообще, а не исцеляющая от болезней, — уже давно одно из самых доходных направлений. И понятие души становится сугубо психологическим фактором, скорее ассоциируется с эмоциями. Мимолетная жалость к страждущему (чаще к масс-медийно представленной ситуации), небольшое пожертвование — и человек абсолютно уверен, что он «хороший» в глазах Бога, а его любовь к себе — главное занятие жизни, иначе кто его полюбит, как не он сам. Длительное комфортное существование — идеал среднего класса. Дилемма «существовать» или «быть» не входит в его размышления.

У современного человека, если он гармонично развивается всю жизнь, с возрастом должно усиливаться эстетическое восприятие. Мир рациональности, социальной ущербности «золотого миллиарда», маркетингового подхода к жизни приводит к тому, что индивид не готов к последней части своей земной бытийности. Всеми силами избегает мыслей о возможности старения, пытается начать жизнь «сначала», использует возможности современной пластической хирургии для внешнего омоложения. Эстетическая и духовная жизнь для такого потребителя благ не более чем дань социальному статусу. Религия — не более чем помощник для решения материальных

проблем. Посещение культурных мероприятий исключительно ради их «статусности». Разговоры в узком кругу, как правило, не позитивные, а севования на различные проблемы.

Решение подобной проблемы достаточно просто, но требует государственного подхода. Гражданина надо с детства нацелить на долгожительство как благо для общества, жизнь как пример для предыдущего поколения [9, с. 166–170]. Жертвенность родителей и более старших, когда они ущемляют свои интересы ради потомков, приводит к отрицательным результатам. Позиция «вы старые, вам уже ничего не надо» передается и детям молодых, что продолжает эту порочную практику бесконечно. Недостаток культуры в воспитании, экономия на классическом дополнительном образовании (хореография, музыка, театр и т. д.) с мотивацией «не надо перегружать», малодетность (один ребенок в семье) приводят к тому, что в зрелом возрасте индивид становится несчастным.

Геронтософия в этом случае является неким маяком для развития личности, а не отрицания самого себя. Сейчас становится популярной концепция «модернизации старения», где возраст старения размывается. Основная задача — убрать аналогию выхода на пенсию и старости и создать новые ценностные ориентации. Сам факт человека не работающего уже становится определенным показателем его непригодности для развития социума. Жизнь до и после выхода на пенсию предполагает некую альтернативность существования [11, с. 42]. Экономическая проблема заключается в том, что реально человек себе на пенсию не зарабатывает. Он будет пользоваться лишь возможностями, которые ему предоставит работающее поколение, и всецело от них зависеть, что приводит к психологическому дискомфорту и агрессии, поскольку новое поколение, разумеется, не в состоянии оценить реальный вклад человека в экономическую ситуацию современности. Стареющий человек загоняется в те же рамки «полезности», с которых начинал и которые уже для него невозможны.

Геронтософия как новое направление подготовки человека к восприятию себя в обществе, а общества на создание максимально комфортных условий для последнего этапа жизни предлагает начинать этот процесс буквально с детства, формируя культ «прекрасной старости». Если рассмотреть ценности уже стареющего человека, то они намного более этичны и эстетичны, нежели в период молодости. Уже неинтересно перепотребление, качество становится основополагающим критерием в ущерб количеству. Довольствоваться малым — хороший тон. Альтруизм, сострадательность более развиты. И дело не в том, что сам человек слабеет, увеличивается глобальная ценность любой жизни, виден результат жизни тех, кто был неэтичен. Приходит понимание ответственности за свои поступки. В идеальном случае человек взрослеет всю жизнь, и долгие годы, даже в дряхлости — это бесценный дар для осознания мира. Очень часто именно в пожилом возрасте обращаются к религии и церкви как социальному институту. А эстетические предпочтения направлены на классику. Социальная задача геронтософии становится ориентированной на максимальное образование человека, на формирование себя и жизненного пространства с учетом вышесказанного.

Литература

1. Августин, блаженный. О граде Божием. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.
2. Губман Б. Л. Западная философия культуры. XX век. Тверь, 1997.
3. Дарвин Ч. Сочинения: в 9 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 9.
4. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб.: Владимир Даль, 2001.
5. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. М.: Культурная революция, 2008.
6. Мид Д. Г. Философия настоящего. М., 2014.
7. Рыбакова Н. А. Проблема старости в европейской философии. СПб.: Алетейя, 2006.
8. Сидорина Т. Ю. Философия кризиса. М.: Флинта; Наука, 2003.
9. Философия старости: геронтология: материалы конференции. Сер.: «Symposium». СПб., 2002. Вып. 24.
10. Фромм Э. Человек для самого себя. М.: АСТ, 2011.
11. Яцемирская Р. С. Социальная геронтология. М.: Академический проспект, 2006.

GERONTOSOPHIA AS A CURRENT TREND OF MODERN PHILOSOPHY

Natalya V. Mednis

Cand. Sci. (Philos.), A/Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies,
Kaliningrad State Technical University
1 Sovetskiy Prospect, Kaliningrad 236000, Russia
E-mail: natalymednis@gmail.com

Traditionally, the religious aspect of late adulthood is considered as the last step to the other side, and in terms of sociology older persons are a social burden for society. Modernity assumes a completely different interpretation. Increased life expectancy in more than two times after the reproductive phase have created new social problems. The utility of family relations in the 20th century caused a lot of problems in the 21st century, one of them is "lonely old age", and it's reason is not widowhood and lack of children, but divorces, and reluctance of grown-up children to take care of their elderly parents.

Keywords: gerontosophia, aging, society, loneliness.